

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В.В. Козловский

ФИГУРАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ НОРБЕРТА ЭЛИАСА

Один из видных социологов XX столетия, Норберт Элиас явно недостаточно представлен в российской научной литературе*. Между тем, его социологическая концепция символического знания, теория цивилизации и социология фигурации достаточно успешно используются в современной социальной науке. Оригинальность его вклада в социологию заключается в создании исторически обоснованной универсалистской теории общества. Опора на взаимозависимое становление отдельного индивида и общества служит гарантией адекватного понимания их взаимоопределяемого существования и развития. Само научное знание является, по его представлению, существенным определением совершенствующегося взаимообусловленного процесса индивидуальной и общесоциальной жизни. Элиас сформулировал концепцию фигуративной эволюции общества и человека, которая позволяет разглядеть в хитросплетениях истории индивидуальные судьбы и социальные траектории людей. Главной задачей и намерением Элиаса было обоснование и развитие всеохватывающей междисциплинарной теории социального процесса в общественном знании.

Жизненный путь Норберта Элиаса (22.06.1897, Бреслау — 01.08.1990, Амстердам) начался вполне удачно**. Состоятельная еврейская семья обеспечила хорошее образование. Он закончил городскую Иоханнес-гимназию в Бреслау и в июне 1915 г. записался в ряды добровольцев для участия в первой мировой войне. Двухлетний опыт военной службы изменил практически все. От прежней беспечной жизни остались лишь воспоминания. Начав по совету отца в 1917 г. с медицины, он вскоре обращается к изучению философии в 1919 г. в Гейдельберге, где слушает К. Ясперса, затем во Фрайбурге, где участвует в Гете-семинаре Э. Гуссерля. Образование завершается подготовкой и защитой в 1922 г. диссертации по философии «Идея и индивид: критическое исследование понятия истории» под руководством неокантианца Рихарда Хениксвальда, с которым он принципиально расстался во взгляде на историю. Экономический кризис 1922—1923 гг. заставил искать заработок в стороне от науки, на заводе металлических изделий. Только в конце 1924 г. он получил место ассистента в университете Гейдельберга у социолога культуры Альфреда Вебера и

* В статье использованы материалы дипломной работы выпускницы факультета социологии С.-Петербургского госуниверситета Е.Е. Корепановой «Социологическая концепция Норберта Элиаса» (2000 г.).

**Среди биографических работ о Н. Элиасе следует отметить статью Германна Корте [1].

Козловский Владимир Вячеславович (р. 1954) — доктор философских наук, профессор факультета социологии С.-Петербургского госуниверситета.

Адрес: 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд. Факультет социологии СПбГУ.
Тел.: (812) 271-92-23. E-mail: vvk@soc.pu.ru; vvk@vk3073.spb.edu

юного приват-доцента Карла Маннгейма, с которым он был дружен. Стремление Элиаса защитить докторскую диссертацию и надежда получить место профессора сдерживались очередью из четырех-пяти претендентов, работавших у А. Вебера. После выступления в 1928 г. в Цюрихе на VI немецком социологическом конгрессе, где произошла острая дискуссия между А. Вебером и К. Маннгеймом, Элиас по приглашению последнего согласился работать ассистентом в «Социологическом семинаре» во Франкфурте. Этот семинар, руководителем которого был К. Маннгейм, располагался на первом этаже Института социальных исследований, который возглавлял М. Хоркхаймер. Хабилюационное сочинение «Придворный человек» было закончено зимой 1932—1933 гг., но опубликовано лишь в 1969 г. Для завершения хабилюации не хватало только вступительной лекции. Однако в марте 1933 г., после прихода к власти национал-социалистов Элиас с легким багажом и пишущей машинкой вынужден был бежать во Францию, а осенью 1935 г. в Англию, где прожил до 1962 г. В 1954 г. он в возрасте 57 лет впервые получил место доцента во вновь образованном отделении социологии университета г. Лейчестера. У него учились современные британские социологи М. Олброу и Э. Гидденс. Затем было преподавание в 1962—1965 гг. в университете Ганы. В 1965 г. Элиас возвращается в Германию, где получает место приглашенного профессора в университете г. Мюнстера. Его труды возмещаются неожиданной наградой — присуждением ему в 1977 г. премии Т. Адорно.

В силу жизненных обстоятельств Элиас был вытеснен на обочину академического сообщества. Эта ситуация привела его к маргинальной позиции в науке. Идеи Норберта Элиаса стали популярны лишь в 1970-е годы в период критики структурно-функционального направления Т. Парсонса. Сформировавшись в 1930-х гг. в оппозиции к методологическому индивидуализму М. Вебера, они оказались востребованы гораздо позже как альтернатива классической теории социального действия. Мировоззренческая ориентация Элиаса — «критический гуманизм», т.е. преодоление закостенелого авторитета накопленного опыта, рутинности и консерватизма господствующих принципов и норм прошедшей эпохи.

За долгий период творчества с 1921 по 1990 гг. им было написано более 200 работ*. Наиболее значимые среди них: «Придворное общество» (1933), «О процессе цивилизации» (1939), «Что такое социология?» (1970), «Вовлеченность и дистанцирование» (1983), «Общество индивидов» (1983), «Humana conditio» (1985), «Теория символа» (1989), «О времени» (1990) и ряд других [3—24].

В многообразных научных исследованиях Элиаса выделяются три основных направления:

- теория фигурации и социального процесса;
- теория цивилизации и образования государств;
- символическая теория знания.

Норберт Элиас известен как теоретик современности. Его вклад в разработку теории цивилизации считается классическим. Но прежде всего он социолог-аналитик современного общества. В качестве основного положения он выдвигает принцип относительной автономности социологии. Как часть истории и общества

* Одна из наиболее полных библиографий см. в [2].

социология никогда не может быть полностью автономной, но она должна быть автономна от других наук и политических институтов.

Элиас всегда надеялся на то, что социологи изменят свои позиции и найдут новый баланс между двумя основными необходимыми установками — вовлеченностью (а значит, и принятием всех обязательств) и дистанцированием. В обыденной жизни первое всегда определяется как позитивное, второе — как негативное. «Включенные» наблюдатели задают вопрос: «Каково значение данного события для нас?», а «дистанцированные»: «Каков внутренний механизм данного явления?». Подобные ориентации упорядочиваются в виде парных соответствий: иррациональность и рациональность, субъективность и объективность. Дихотомия вовлеченности (ангажированности) и дистанцированности связана с историческим контекстом.

Можно выделить три основные предпосылки ангажированности: во-первых, активная включенность является неизбежной, но недостаточной. Нет такой науки, которая бы ограничивалась лишь ролью «включенной экспоненты социального явления». Во-вторых, социологи должны различать две функции — включения в общество и исключения из него, в-третьих, социология должна быть свободна от «гетерономных оценок» (т.е. от социальных и политических убеждений). Гетерономные оценки, по утверждению Элиаса, это оценки, которые приходят извне и включаются в научную работу. Он требует от социологов дистанции, автономии и по отношению к постановке и решению проблем, и по отношению к моделям исследования, в частности, к методам естествознания. Для познания самой себя науке необходим минимум дистанцирования.

Элиас не проводил различий между познавательными способностями индивида и развитием общественного и научного знания, более того, он понимал познание как «коллективное дистанцирование». Он указывал также на опасность псевдо-дистанцирования, когда просто копируются методы естественных наук. Элиас выявляет недостатки существующих социологических концепций. Его критика включает:

1. Отказ от теории и прагматики критического рационализма и социологических положений методологического индивидуализма, исходящих из положений, что существуют единые законы общественного развития, без учета временных и пространственных различий и ограничений.

2. Возражения против системной теории и социологии состояния, в противоположность чему развивает теорию прогресса, основная идея которой состоит в том, что общества постоянно изменяются. Системная теория может быть отнесена к предварительной фазе знания — аналитической, а цель теории в достижении синтеза (сведение всего к одному основанию). Исторический ход развития познания показывает, что люди способны синтезировать, или объединять события. Системная теория слишком упрощает действительность,

3. Доводы против положений марксистской и критической теории. Элиас называет социологов охотниками за мифами, а эти теории сами создают мифы. В отличие от системной теории, эти концепции построены на историческом материале, но их объяснения монокаузальны, поскольку сводят все к экономическим категориям.

Главную цель социологии Элиас видит в преодолении теоретического дуализма индивидуализма и коллективизма, в переходе от социологии состояний к

социологии прогресса, от статики к динамике. В число конкретных задач социолога он включает «изучение и объяснение специфических принуждений, которым подвергаются люди в определенных эмпирически наблюдаемых обществах, но также обсуждение их в связи с гетерономными образцами. Вместо принятых слов и понятий, отмеченных печатью мифологических и естественнонаучных представлений, следует постепенно вводить такие, которые лучше показывают своеобразие образованных индивидами общественных фигураций» [7, S. 15]. Заметим, что в поздних трудах Элиаса понятие фигурации помещается в центр социологических поисков. Предметная область социологии определяется им как процесс совместной жизни, меняющейся взаимозависимости людей в качестве общественных фигураций. Соотношение индивида и общества Элиас считает основной проблемой социологии, ибо от ее решения зависит обоснование социологии как науки. Эта проблема занимает центральное место в его работах, так как, по его мнению, удовлетворительное ее решение еще не найдено.

Основанием для определения предметной области социологии, согласно Элиасу, выступает символическая теория знания. Общественные науки обладают собственной теорией познания, отличающейся от традиционной классической эпистемологии, которая, по его мнению, во-первых, претендуя на объективность, не несет в себе никакой дифференциации; во-вторых, в аналитически ориентированной теории познания не учитывается, что по своей структуре ранние уровни эволюции включены в единство объектов более высокого уровня интеграции и организации; в-третьих, поскольку способ организации и интеграции всех единств (составных частей) на более высокой ступени эволюции служит определяющим для способа функционирования и поведения объединенных объектов, необходима синтетическая модель познания [24, В. 1, S. 271]. Согласно модели Элиаса, каждая из наук исследует относительно автономный уровень интеграции (физический, химический, биологический, психологический, социальный и т.д.), рассматривая его в качестве своего объекта. Для Элиаса социальные науки стоят позади естественных из-за господства академически установленных исторических оценок и эмоциональной вовлеченности, влияющих на характер создаваемого знания. Более того, способность человека контролировать социальные процессы ниже его способности контролировать природные процессы и в естественных науках баланс (задолго до настоящего времени) был поставлен выше автономных оценок, что ознаменовало огромный скачок в науке. Особенность истории, полагал Элиас, в ее обратимости и цикличности и предпочитал говорить о процессах цивилизации и децивилизации, а также фигурации и дефигурации.

Для общественных наук характерен высокий уровень дифференциации и интеграции их предметных областей. Качества и способы функционирования человеческих обществ как единств высокой сложности и дифференциации объясняются, исходя не из аналитического изучения качеств этих единств (составных частей) и отдельных индивидов, а прежде всего путем исследования их интеграции в группы. Многообразно интегрированные единства, *фигурации*, которые люди образуют между собой, следует понимать не через законы, а через соответствующие пространственно-временные модели — модели социального процесса.

В качестве специфического метода исследования Элиас предлагает сравнительный метод, имея ввиду синхронное сравнение равных, или подобных, фигураций и диахронное — различных уровней развития одного и того же социального единства.

Концепция фигурации Норберта Элиаса

Понятие *фигурации* позволяет избежать традиционной «ловушки» социологии: пропасти между индивидом и обществом. Общество — это не хаос, а организация, это фигурации, т.е. переплетение отношений людей, которые все больше усложняются из-за различных связей взаимозависимости между людьми. Члены фигурации взаимосвязаны друг с другом. Фигурация обозначает не группы, но *социальные модели процесса*. Исходным пунктом для анализа фигурации является предположение о том, что действующие индивиды связаны переплетениями, которые обозначаются через взаимозависимость, и, таким образом, сеть переплетений дает фигурацию. Это изменяющиеся длительные процессы, к которым принадлежит и усложняющийся процесс цивилизации, т.е. длительные трансформации личностных структур (*Psychogenese*) и общественных структур (*Soziogenese*). Следовательно, для понимания социологических феноменов необходимо рассматривать их в масштабе длительного процесса. В этом заключается главная задача социологии: объяснить неконтролируемый общественный процесс как переплетение взаимозависимостей, включая проблему преодоления нежелательных последствий. Только люди могут образовывать фигурации, так как они овладевают определенным, специфическим для общества языком, который относится к ряду символов. Поскольку социальные процессы как изменения фигурации всегда имеют длительный характер, социологический анализ, с точки зрения Элиаса, должен охватывать, по меньшей мере, три поколения. Для него индивиды не являются жертвами общественных отношений, но они и не полностью автономны, как в утилитаристских концепциях, но лишь относительно автономны.

Из относительной автономности выводится понятие власти, трактуемое как монополия на обладание ресурсами. Все члены фигурации наделены властью, но это не просто зависимость, но баланс власти, который является для Элиаса ядром межчеловеческих отношений. Индикаторами взаимозависимостей, в которых находятся люди, являются конфликты и напряжение между людьми, группами и государствами в процессе изменения. В длительной борьбе за власть и в конкуренции между людьми шансы не всегда поделены поровну: кто сегодня относительно безвластен, завтра может стать относительно властным. Общественное развитие — это спонтанный, неспланированный поток фигурации. Но при этом под сомнение ставится «необходимость» общественного развития. Для Элиаса фигурации обладают пластичностью. Каждая относительно сложная, дифференцированная и высоко интегрированная фигурация имеет менее сложное управление и менее интегрированные предпосылки. Однако невозможно найти абсолютное начало данного процесса.

Можно выделить четыре положения фигуративной социологии:

1. объяснение конституции индивидов как элементов социальной сети;

2. группы — это «историческая скорлупа», заключающая в себе «Оно», «Я» и «Сверх-Я»;

3. индивид включен в языковое единство, социальные и политические группы;

4. каждый человек имеет свою индивидуальную историю вхождения в группу.

В «Придворном обществе» Элиас описывает и объясняет трансформации придворного общества в процессе образования элит французского абсолютистского государства. Медленное превращение военной элиты и землевладельцев, живущих натуральным хозяйством, в аристократию проходило спонтанно, более того, оно вышло из амбивалентных связей и отношений власти между королем и знатью. Элиас показывает, как изменяется поведение, речь, обиход и вкусы людей, и как, в конце концов, все это становится придворным этикетом, которому все должны следовать, иначе велика опасность оказаться вне общества. Элиас исследовал процесс перемен правил этикета и нравов, и особенно, спонтанность и длительность изменений обществ, совместно образованных людьми. В отличие от существовавших традиций в социологии, связанных с именами Конта и Маркса, Элиас оперировал эмпирическим материалом — правилами этикета и поведения.

Изменяющиеся обстоятельства не являются внешней характеристикой людей, они сами являются отношениями между людьми. Элиас разработал модели, которые лучше вычисляют факты изменения человеческих фигураций. Чтобы понять проблему людей и фигурации, нужна теоретическая модель, с помощью которой можно объяснить развитие фигурации.

Модели фигураций, предложенные Элиасом, — модели игры, правила которой искусственны и соответствуют таким играм, как шахматы, футбол и теннис. Свою пользу они «выигрывают» за счет практики социологического воображения, зачастую блокируемую проходящими формами мышления. Игры основаны на том, что люди соревнуются друг с другом в силе; это элементарное обстоятельство почти всегда присутствует в отношениях, хотя зачастую скрыто. В подобных случаях всегда встает вопрос власти, который сглаживается спустя какое-то время в процессе игры, переходя в равновесие. Понятие власти имеет для многих сегодня неприятный привкус. Причина в том, что в процессе общественного развития равновесия власти не было — власть была поделена совсем неравномерно. Люди или группы, наделенные относительно большими возможностями на получение власти, с помощью насилия и хитрости использовали ее для своих целей. Колеблющиеся балансы власти образуют составной элемент всех человеческих отношений.

Социологические теории, в которых нормы называются причинами человеческих отношений людей и которые не принимают во внимание возможность ненормативных и нерегулируемых человеческих отношений, искажают картину обществ, как и теории, не принимающие во внимание возможность типизации ранее не стандартизированных, неуправляемых человеческих отношений. Тот факт, что отношения между людьми абсолютно нерегулируемы, означает, что они также неструктурированы. Существует фундаментальное непонимание этих отношений, представляющихся производными от их структурированности, непонимание их характера как специфического способа упорядочения, т.е. их нормативности. То, что для людей может казаться высшей

точкой беспорядка, представляет для социологии специфический аспект общественного порядка.

В обществе существует духовный раскол и поляризация человеческих связей, которая приводит общество к разным системам мышления и идеалам. Человек окружен связями, которые в течение жизни укрепляются еще сильнее, и человек оказывается в «замкнут в панцире», это связь между людьми, обозначаемая как «*homo clausus*». А понятие фигурации служит для создания простого понятийного аппарата, с помощью которого можно уменьшить общественное принуждение в речи и мышлении, как если бы индивид и общество были разными, антагонистическими образованиями. В центре фигуративных процессов стоит колеблющееся равновесное напряжение, баланс власти, которые принадлежат к структурным характеристикам фигурационных течений. Фигурация представляет собой взаимозависимость людей. Общества, фигурации, по сути, являются ни чем иным, как скоплениями индивидуальных атомов. Фигурации развиваются за счет определенного типа эмоциональной связи, которая объединяет людей, при помощи физического насилия в воспитании последующих поколений. Власть, по Элиасу, это *характеристика фигурации социальных отношений*, которая делает индивидов взаимозависимыми различными способами. Из-за этой взаимозависимости возможности могут возрасти для одной и той же группы или индивидов, и привести к тому, чтобы доминировать в обществе, оказывая влияние на других, потому что они контролируют важные для общества ресурсы. Властные отношения различных групп или классов скорее покоится на широком фигурационном переплетении, нежели на обладании ресурсами или демонстрации своей властной функции.

Степень власти или властности группы или индивидов в совершении автономных действий — эмпирический вопрос, основанный на фигуративной модели, которая понимает власть и свободу как структурные характеристики сети взаимозависимости, в которой люди находят разную степень пространства для автономных действий. Все же ни один член фигурации не обладает властью, если рассматривать ее просто в качестве возможности делать все, что угодно, невзирая на ограничения. В фигуративной модели люди всегда кажутся зависящими друг от друга, и состояние равновесия, и баланса становятся фокусом властных отношений.

Понятие фигурации играет главную роль в его концепции ненаправленного развития. Для Элиаса концептуализация и диагноз общественного процесса — новое определение социологической предметной области, в центре которой стоят такие понятия, как «взаимозависимость», «фигурация», «переплетение», «валентность» и «власть». С помощью этих понятия и их комбинаций может быть выявлен специфический опыт, состоящий в том, что планы и действия, эмоциональные или рациональные порывы отдельных людей находят друг в друге дружеский ответ или враждебность. Переплетение отдельных планов или поступков людей может вести к изменениям и формам, которые отдельные люди не планировали. Из взаимозависимости людей выделяется порядок особого рода, порядок, который является в большей степени принуждающим и сильным, как воля и разум отдельных людей, их образующих. Это некий порядок переплетения, который определяет ход исторических изменений, это то, на чем основан процесс цивилизации.

В социальной действительности Элиас выделяет два уровня универсума, которые зачастую отделяются друг от друга: интенции- и неинтенциональные структуры. Элиас полагает, что: во-первых, *имеются неинтенциональные связи между интенциональными действиями*, и, во-вторых, в истории до наших дней эти *неинтенциональные связи одерживали верх над интенциональными*, осознаваемыми людьми. Интенции и индивиды сами сконструированы посредством неинтенциональных связей. Его исследование социогенеза символов культуры и цивилизации показывает, как интенциональные образования, символы предшествуют незапланированным действиям и связям. Оригинальность его перспективы состоит в постоянном отказе от искусственного разделения намечаемых элементов реальности от неосознаваемых, спонтанных.

Вопрос о смысле неинтенциональных последствий оказался наиболее сложным для социологии. Иногда в объяснении длительных общественных структурных изменений Элиас связывал их с законоподобными суждениями, такими как «механизм монополии», модели процессов, т.е. разрабатывал научную концепцию причинных объяснений. Его модель «феодализации» или монополизации физического насилия представлена примерами особого рода — объяснениями с помощью реконструкции неинтенциональных процессов, — которые до настоящего времени характеризовались как «невидимая рука» объяснений. Объяснения такого рода больше не требуют необходимым образом ссылок на научные законы. Вместо этого они предполагают только догадки о намерениях и направленности действий индивидов. Это предполагает «нормальность» в фактическом смысле, а не в смысле норм. Поэтому его концепция представляет собой некоторый возврат конвенционального подхода к направляемым последствиям интенциональных действий; чтобы описать и объяснить генезис и изменение масштабов норм, он направлен в большей мере на спланированные последствия ненаправляемого социального процесса.

Акцент на интенциональных структурах является, наверное, самым значительным отличием подхода Элиаса от всех других теорий общественного развития. Элиас сторонился любых метафизических обоснований для своих исторических и эмпирических исследований, заменяя их социологической онтологией. Он отталкивался от идеи о том, что люди всегда будут соединены друг с другом в напряженном равновесии власти и взаимозависимости. Власть и свобода как относительные аспекты фигурации характерны для определенной социальной общности, но они не неизменны.

В рамках преобразованных образцов отношений власти и взаимозависимостей, как показывает Элиас, менялась целая структура индивидуальности. Импульсы, которые когда-то приводили людей к конфликтам теперь стали реструктурированы таким образом, что большинство людей чувствует отвращение при проявлении насилия или агрессии. Согласно теории Элиаса, ни один человек не сохраняет эмоций в чистой форме, он открыт, чтобы измениться в пределах социального опыта. Это не означает, что личность — *tabula rasa*, но что цель и интенсивность структур человека являются открытыми для трансформаций.

Концепция фигурации является релятивистской концепцией, в которой незапланированные результаты в контексте властных отношений соотносятся с запланированными стратегиями и действиями личностей. Поскольку никакая

группа или человек не могут планировать всю сеть властных отношений или управлять ею, индивидуальные действия человека или тактика обращена к непреднамеренным последствиям в макросоциальном масштабе. Эти непреднамеренные последствия устанавливают образец поведения, который формирует контекст локальных действий. Переплетения многих действий многих личностей придают этому процессу структурированное проявление и непредвиденный динамизм.

Поскольку действия в глобальном масштабе не запланированы, власть любой — личности или группы — всегда ограничена, чтобы стать всеобщими доминирующими стратегиями. Действия отдельных личностей не вынуждаются стратегиями правительства, поскольку сами стратегии неизменно на некоторой стадии обнаруживают непреднамеренные результаты действия и динамизм баланса власти на глобальном уровне. Элиас показывает, что власть — это не вопрос стратегии, но фигуративных отношений. На локальном уровне, фигуративное действие преднамеренно и стратегически спланировано, но на более широком поле непреднамеренных последствий возможности власти лимитированы пределами социальных отношений.

Теория цивилизации и образования государств

Элиас рассматривает процесс цивилизации в двух параллельных и взаимосвязанных планах: социогенетическом и психогенетическом. Вся социология XX века обращается к изучению «состояний» общества, при этом теряются длительные трансформации общественных и индивидуальных структур. Элиас считает, что нужно изучать именно эти длительные трансформации, которые очень трудно зафиксировать. По его мнению, процесс цивилизации проходит сразу на нескольких уровнях: 1) как обширное развитие, которое охватывает всю историю человечества; 2) процессы цивилизации, которые проходят определенные общества в определенных фазах; 3) процесс цивилизации, который претерпевает отдельный человек в ходе своего индивидуального развития.

Процесс цивилизации содержит в себе три направления: процесс образования государства, процесс социоэкономического разделения функций, процесс изменения поведения и психологической структуры личности. Этот длительный процесс осуществляется без всякого плана, однако это структурируемый процесс. Можно определить направление его развития и применить эту модель для анализа настоящей и для прогноза будущей фазы общественного развития. Исходным пунктом анализа европейского процесса цивилизации является происхождение центральных органов, прочных *институтов монополии* на использование физической власти, образование которых дает начало переходу от феодализма к централизованным формам господства и к созданию государства.

Теория цивилизации — именно та модель, которая должна показать возможные связи между длительными изменениями в личностных структурах и качествах, в смысле консолидации и дифференциации контроля действий, и длительными изменениями в социальной структуре, в смысле высшего уровня дифференциации и интеграции, например, взаимозависимость и консолидация контроля государства. Элиас показывает, что само понятие цивилизации зача-

стью использовалось в метафизическом смысле и остается туманным по сей день [25, Vd. 1]. Поэтому он пытался выделить фактическое ядро цивилизации, в которое включаются в первую очередь структурные изменения жизнедеятельности людей, т.е. возросшая консолидация и дифференциация их аффективного контроля, их ожиданий на основании собственного опыта и поведения. Положив основание недогматической, эмпирически обоснованной теории социальных процессов, он был глубоко убежден, что заключительная модель длительного процесса цивилизации и государственной формации будет одинаково служить и как модель длительной динамики обществ, модель социального развития. Центральная идея социального изменения — это *фигуративное изменение**, имеющее одно постоянное направление и проходящее сквозь множество поколений. Понятия социального изменения как инструмента социологического анализа самого по себе не достаточно. Подобные изменения ненаглядны и переменчивы. Понятие социального изменения не вносит ясности в объяснение ненаправленных трансформаций структуры общества, проходящих через многие поколения. Фигуративное изменение касается, прежде всего, переплетения индивидуальных психологических, личностных структур и фигураций, образованных большим количеством взаимозависимых людей. Обе эти структуры характеризуют не статичные, а изменяющиеся и взаимозависимые аспекты длительных процессов общественного развития. Подразумевается, что «эго» и «социальная система» — две реальности, которые независимы одна от другой, но нераздельны, как части одного целого, созданного человеком.

Длительность цивилизации, по Элиасу, объясняется тем, что это процесс, не зависящий напрямую от человека. Цивилизация существует, в первую очередь, благодаря внутреннему балансу, — балансу власти, который необходим для ее существования. Цивилизация «уходит своими корнями» в глубинные структуры психики человека, что ему не так-то просто от нее избавиться. Цивилизация — это вся жизнь человека, общества и даже человечества, это то, что внутренне присуще человеческому существу. Можно сказать, цивилизация сама подготавливает человека к жизни в обществе. Цивилизуясь, человек приспособляется к общественной жизни.

Помимо измерения цивилизации в четырех пространствах, Элиас вводит и пятое — символическое, известное из семиологии и семантики. Историко-теоретическими предпосылками теории Норберта Элиаса послужили концепции таких ученых, как Й. Хейзинга, З. Фрейд, М. Блох, Л. Февр, Ф. Бродель. В их интерпретации понятие цивилизации включает широкий круг фактов: уровень технологии, научное знание, религиозные идеи и традиции, обычаи. Проще говоря, нет почти ничего, что нельзя было бы определить как цивилизованное или нецивилизованное. Если же выделить одну основную функцию, черту, определяющую цивилизацию, то можно сказать, что это понятие выражает самосознание *Zanada*. Элиас отмечает, что такие понятия как английская и французская «цивилизация» или германская «культура» являются совершенно ясными во внутренних традициях общества, которому они принадлежат. Но

* Фигуративное изменение — это любая взаимозависимость, меняющаяся во времени и пространстве общества.

скрытые значения и оценки, которые они, безусловно, несут в себе, делают их трудноопределимыми извне. Французское и английское понятие цивилизации можно отнести к политическим или экономическим, религиозным или техническим, моральным или социальным фактам. Германское определение культуры имеет отношение в сущности к интеллектуальным, художественным и религиозным фактам. Слово «цивилизованный» очень близко западному понятию цивилизации, отмечает Элиас, поясняя, что «понятие культивируемый (kultiviert) описывает социальные качества людей, их способ вести хозяйства, манеры поведения, речь, в отличие от понятия культурный (kulturell), которое не относится прямо к самим людям, но исключительно к особым достижениям людей» [24, Bd. 1, S. 5].

Другое различие между этими понятиями связано с тем, что цивилизация *описывает процесс или даже результат процесса*. Она процессуальна. Культура имеет отношение к продуктам человеческого труда, которые подобны «цветам в поле», к произведениям искусства, книгам, религиозным и философским системам, в которых человеческая индивидуальность выражает себя. Понятие культуры определяет границы. Цивилизация снимает национальные различия между людьми, подчеркивая общее в человеческой сущности или, с точки зрения их носителей, становясь этим общим. Она выражает самоуверенность людей, чьи национальные границы и идентичность утверждались в течение веков. Напротив, германское определение понятия «культура» проводит специфическую черту в национальных различиях и особенно идентичности групп. Принимая во внимание то, что понятие цивилизации имеет функцию, выражающую существующую до сих пор экспансионистскую тенденцию колонизаторских групп, понятие культуры отражает самосознание нации, которая постоянно стремится установить новые границы в политике в той же мере, что и в мире чувств.

Математические понятия, говорит Элиас, могут быть отделены от группы, которая их употребляет. Треугольники могут быть объяснены и без обращения к историческим ситуациям, а понятия культуры и цивилизации нет. Слова стали действенными инструментами для выражения тех целей группы, ради которых люди захотели иметь общий опыт и коммуникацию. Это показывает, что они выражают не просто индивидуальные, а коллективные нужды и интересы. В них отразилась и кристаллизовалась коллективная история. Понятия умирают, когда функции и опыт в жизни общества перестает связываться с ними.

В истории западной цивилизации Элиас исследует формирование поведения и чувственности через переплетение взаимозависимостей, которые кристаллизуются вокруг государственного института монополии на власть и управление: при дворе развивается самодисциплина, сдерживание порывов, эмоциональное дистанцирование индивидов, даже вопреки их собственным желаниям, которые характеризуют современных людей. Трансформация личностной структуры является не только результатом прямого насилия, которое центральная государственная инстанция оказывает на людей, а скорее «безоружного насилия и власти», которые стали возможны только благодаря монополизации насильственного применения власти.

Борьба за власть, интриги придворных, высокая взаимозависимость властвующих и подчиненных, а также накопление, переплетение и умножение

действий, от которых зависит социальное существование индивидов — не только при дворе — требует достаточной дифференциации психики между «центром влечения» и «центром личности»* и перехода от менее рациональных к более рациональным способам мышления и поведения.

Достижение эффективных и стабильных монополий власти является предпосылкой процесса растущего социального переплетения индивидов, и аппарат государственного господства сам ведет к усложнению цепочек взаимозависимости — в городских центрах управления и особенно при дворе. Ключевым пунктом модели Элиаса является напряжение соотношения «политической» и «экономической» власти — равновесие власти, которое основывается на обладании средствами власти, обеспечивающими принуждение и контроль в производстве и потреблении. Так, военная сила господина зависит от его богатства и подчиненных, мир внутри социального союза является важным предварительным условием для построения длительных, пространственных и временных цепей экономических транзакций, без которых не могут функционировать сложные рынки с дифференцированной структурой. Предварительным условием возникновения узаконенного насилия стала относительно единая организация господства и монополия правового принуждения силами данного аппарата — это «легитимное» применение физического насилия. Элиас эмпирически показал изменения, связанные с процессом цивилизации, в формах поведения и личностных структурах на историческом материале, и показал линии их измерения. В качестве побудительного мотива этого процесса он видел конкуренцию социальных групп и отдельных людей за власть и престиж — как один из самых сильных механизмов преобразования внешнего давления и самопринуждения.

Главное направление процесса цивилизации — становление внутреннего механизма принуждения (*Verinnerlichung von Zwängen*), который разрешается через дифференциацию социального принуждения или через превращение социогенетического страха в психогенетический. Переплетение конкуренции и взаимозависимости переходит в самопринуждение. Таким образом, *главная задача состоит в том, чтобы понять психологический процесс цивилизации*. Элиас показывает, как стандартное человеческое поведение в обыденной жизни переходит в нечто особое. В подобных простых ситуациях индивид и выражает себя, чувствуя медленные изменения, которые и составляют вектор постепенной «цивилизации». Он показывает, например, решающую роль, которую играют специфические изменения чувства стыда и деликатности в процессе цивилизации.

Стандарты и запреты, налагаемые самим обществом меняются, а с ними меняется и порог неудовлетворенности и страха перед социальной жизнью, поэтому вопрос социогенетического аспекта цивилизации является ключевым для всего процесса цивилизации. Огромная дистанция в поведении и всей психологической структуре между детьми и взрослыми возрастает в процессе цивилизации. Здесь скрыто объяснение того, почему некоторые люди или целые группы кажутся нам моложе или более похожими на детей. На основе «социогенетического закона» индивид за короткий срок своей истории проходит че-

* Элиас употребляет термины «Triebzentrum» и «Ichzentrum».

рез гораздо большее количество процессов, чем общество, в котором он живет, за всю его длительную историю. Исследование социогенеза и психогенеза ведет к обнаружению структуры исторических изменений, их механизма, и анализ Элиаса, прежде всего, обращается к социогенезу государства. Если взять только один аспект истории государственной формации и структуры, — это проблема «монополизации силы». М. Вебер отмечает, что один из конституционных институтов необходим социальной организации, которую мы называем государством, — это монополия в использовании физической силы.

Главная цель Элиаса заключалась не в построении общей абстрактной теории цивилизации и ее дальнейшей эмпирической проверке, но в возврате «утраченного» понимания этого процесса. Воссоздание цивилизационного процесса осуществимо усилиями психологов, этнологов и антропологов так же, как и социологов и других специалистов.

Макросоциологическая теория чувств Элиаса очерчивает контуры чувственной культуры и совсем немного говорит о том, как людям ориентироваться в них и куда направлять. Более разработана эта проблематика трудах Г. Дж. Мида и И. Гоффмана. Они в качестве предмета анализа берут человеческие взаимодействия. Интеракция связывается с формированием, угрозами и сохранением личной идентичности. Страхи, отмечает Элиас, одновременно заданы биологически, воспитаны общественной жизнью и образуют важный инструмент социализации и контроля поведения. Они являются результатом и исходным пунктом тесно сплетенных социальных отношений, благодаря последующей индивидуализации контроля чувств и регуляции поведения. Следует отметить предположение Элиаса о взаимовключенности социальных норм и индивидуального чувства собственной ценности. Элиас обозначил самопринуждение для регуляции чувств в повседневной жизни как «взращенный страх» быть униженным в глазах других. Он документально подтверждает, что внутренняя аскеза была присуща развитию разных социальных типов личности в Западной Европе еще до экспансии протестантизма кальвинистской направленности. Подобное развитие структуры личности через высокую степень самодисциплины, через вошедшее в привычку длительное планирование собственных действий и их последствий и через одновременное обширное саморегулирование порывов и аффектов представляет собой *интернализацию внешнего принуждения*. Элиас использовал этот символ, но в то же время настоятельно критиковал использование подобных пространственных различий между самопринуждением людей и принуждением со стороны других. Он пояснил, что здесь речь идет не о физическом, а о социальном различии.

Элиас рассматривает развитие нравов и обычаев, благодаря которым происходило становление основных фигураций рыцарского и придворного обществ, главным из которых была *конкуренция*, выразившаяся в нежелании быть отлученным от двора, стремление превзойти другого в поединке, быть приближенным к королю и обладать богатством. Именно за счет этого стимула происходит такое быстрое развитие раздробленной Европы, образуются государства, ибо единичных сил не хватает для противостояния усиливающимся противникам. Естественным образом вслед за дифференциацией следует интеграция отдельных территорий в целые государства и в полной мере проявляется стремление к доминированию и монополии.

Так Элиас переходит к проблеме «спонтанного» порядка. Главный аргумент состоит в том, что общественные процессы не управляются самим человеком, и, следовательно, носят неинтенциональный характер. Однако общий процесс складывается на основе способности каждого отдельного индивида формировать свои связи с другими, то есть на человеческих интенциях и валентности. Основным механизмом, который можно обнаружить в структуре процессов — это властные отношения, к которым можно свести любые отношения в обществе. Власть — это не обладание чем-то, а сама позиция в отношениях. Природа всех отношений сводится к балансам власти с другими людьми. Процесс цивилизации имеет начальным и конечным пунктом сознание отдельного человека, для чего Элиас успешно пользуется терминологией психоанализа, так как для него наиболее важны процессы интернализации принуждения и насилия.

Символическая теория знания

Проблема истинности познания, так же, как реальная конгруэнтность* социальных символов, которые делают возможными уверенную ориентацию, в различных науках, решена только отчасти. Именно в науках о человеке знание носит наиболее аффективный и фантазийный характер. Элиас определял *символы* как осязаемые звуковые обозначения человеческой коммуникации, которая стала возможной благодаря биологической эволюции, подготовившей уникальный голосовой аппарат человека. Данное положение позволяет избежать рационалистического искушения принять то, что символические системы являются независимой частью культуры со своей собственной реальностью.

Существует несколько способов символической интерпретации. Один из них — картографическое изображение, другой — язык. В своей работе «The Symbol Theory» Элиас приводит множество примеров символизации. Совершенно определенная форма социальной стандартизации делает возможным тот факт, в одном обществе звуки узнаются всеми его членами в более или менее одинаковом смысле, так как за каждым из них закреплено определенное знание, обозначаемое символом. Без общих символов коммуникация между людьми была бы невозможна. Элиас отмечает, что даже самые обычные вещи в нашей жизни требуют стандартизованной символической репрезентации, прежде всего потому, что у нас есть необходимость обсуждать их. Более того, все, что символически не представлено в языке данной группы, не может быть известно ее членам.

Коммуникация посредством символов, которые могут варьироваться от одного общества к другому, является одной из особенностей человечества и обусловлена биологической организацией человека. *Без изменения языка было бы невозможно приращение знания.* Между людьми из разных обществ может происходить коммуникация посредством разных языков. Одно и то же событие, один и тот же опыт может быть обозначен разными символами. Основная посылка Элиаса состояла в том, что язык — не врожденная, а меняющаяся

* Элиас пользуется понятием *reality-congruence*, которое мы переводим как конгруэнтность реальности, или реально-конгруэнтное знание.

способность человека. Сама символическая теория рассматривается им в рамках социальных наук, и главную модель дает именно социология.

Коллективный опыт целой группы в течение нескольких поколений создает основу индивидуального опыта. Сегодня люди могут воспринимать мир как природу или как историю. Из этого следует, что человек может воспринимать мир двумя способами: как мир, который может быть представлен более ясно с помощью неизменных символов, и как мир, представленный структурой непрекращающегося последовательного изменения. В этом случае можно придти к выводу, что мир состоит из двух различных универсумов, один из которых характеризуется «кодовым» словом «природа», а другой — «история» или «культура». В действительности эти кодовые обозначения представляют два разных способа упорядочивания опыта. Причинные объяснения и причинно-следственные связи являются всего лишь частью традиции определенного общества.

Индивидуальный и коллективный опыт существует в форме коммуникации, которая только и возможна благодаря общему коду-языку. Слова презентуют объекты разного рода, включая реальную деятельность и воображаемое. Вопрос о том, почему слова стали выполнять подобные функции, остается открытым вопросом. Элиас выдвинул две догадки, в свете которых можно пересмотреть всю языковую коммуникацию [23, р. 17]. *Первая* легко проверяема: коммуникация посредством языка — основная форма коммуникации между людьми, что Элиас показывает на примере того, как много языков существует на земле. Именно язык способен объединять и разъединять группы, интегрировать и дезинтегрировать их, *Вторая* открывает фундаментальные трудности социальных наук на современном этапе их развития, где главным достижением языковой коммуникации представляется самовыражение людей [23, р. 20].

Элиас выделяет два отличных по своей динамике процесса — эволюцию и *развитие*. Оба процесса сконцентрированы на том, чтобы передать средства «выживания» от одного поколения другому, с тем, чтобы увеличить возможности людей. В случае эволюции в качестве главного инструмента Элиас выделяет *органическую структуру* — «ген», а в случае развития — *символы*, в широком смысле, *включающие не только знание, но стандарты поведения и чувств*. А главной формой передачи знания является передача языка одним человеком другому. По природе люди наделены не только способностью, но и необходимостью требовать от других освоения языка как основного средства коммуникации. Подобная коммуникация требует специальных символов, которые позволяют адресату определить свою позицию в рамках коммуникативной фигуры.

Элиас выделяет три аспекта отличия языка людей от сигнальных систем других живых существ: 1) символы приобретаются в результате индивидуального процесса научения; 2) они могут различаться от одного общества к другому; 3) они могут изменяться с течением времени в рамках одного и того же общества. [23, р. 40]. Символы нужны, чтобы точно определить, к кому относятся события или действия, упомянутые в сообщении, — к отправителю или к его группе; к адресату или третьему лицу, находящемуся за пределами коммуникативной фигуры. Во многих языках данная функция выполняется личными местоимениями: я, ты, она, он, мы, они. Таким образом, Элиас делает важное открытие: в диалоге люди посредством принятых символов могут быть

расположены в четырех измерениях, во времени и пространстве, и поскольку они — существа социальные, для них существует еще и *пятое измерение* — *символическое*, положение в котором определяется посредством местоимений и других символических показателей.

Звуковые обозначения, символически представляющие позицию личности в *диалоговой фигурации*, для каждого свои. Уникальная биологическая организация позволяет людям воспроизводить все, что в их обществе может стать объектом коммуникации посредством особых звуковых волн, которые производятся индивидуально и стандартизируются в символы особых объектов коммуникации. Объекты без символов не известны и не могут восприниматься. Но есть переходные стадии от незнания к знанию и наоборот. Звуковые волны, которые люди могут издавать и принимать как закодированные сообщения, возможны благодаря особым возможностям человека. Они позволяют людям воспроизводить звуки в огромном множестве различных способов — множестве, которое, кажется, не ограничено ни физически, ни биологически, но закреплено социально в особых рамках посредством социальной стандартизации и унификации, без которых символы не смогут выполнять свои функции в данном обществе. Главная задача Элиаса состоит в том, чтобы восстановить знание как знание об объектах, с которыми сталкивается каждый индивид, и сами объекты коммуникации между людьми, т. е. символы. Существует необходимость обозначения объектов определенными символами, и это не физиологическая необходимость, а чисто социальная попытка самодистанцирования [23, р. 64]. Если не называть солнце солнцем, вас просто не поймут, подчеркивает Элиас.

Лингвистические правила и нормы могут создавать сильное сопротивление познанию мира, в котором мы живем. Язык, знание и разум могут рассматриваться в качестве независимых областей жизни человека. Однако, если говорить о таких способностях человека, как способность говорить, думать и познавать, то подобное разделение весьма сомнительно. При более пристальном рассмотрении становится ясно, что эти три области объединены употреблением символов.

Структуры языка выражают позицию людей в обществе, а не природу человека как изолированного индивида. Они свидетельствуют о необходимости в социально-стандартизованной символической форме выражать позицию в отношениях «отправителя» и «получателя» сообщения. В этом случае отчетливо видны *фигурация* людей, вовлеченных в процесс обмена информацией, и их позиции внутри этой фигурации, которые определяет *язык*. Недостаточно найти структуру языка, мысли или знания, их необходимо соотнести с их носителем — мыслящим, говорящим и познающим.

Элиас выделяет два типа символов: 1) социальные символы, которые считаются реально-конгруэнтными и определяются как рациональные; 2) символы фантазий — иррациональные. Тот факт, что люди выдумывают вещи и события, которых не существует, является «спасительным якорем» человечества. Ибо там, где не доставало приобретенного знания для ориентации и коммуникации, эти «пропасти» заполнялись выдуманным знанием, такова роль мифов у примитивных народов. И реальная конгруэнтность определяется вовсе не истинностью знания, ибо знание о солнце у первобытных племен отвечало тре-

бованию реальной конгруэнтности, хотя точное научное знание о солнце было получено только в XX в.

Реальная потребность человека — *потребность в знании* — удовлетворяется не тогда, когда дается истинное знание, но когда дается удовлетворяющее эту потребность знание. Определение истинности или ложности знания, его познавательной ценности требует исследований, что допускается при удовлетворяющей функции*. Задача символической теории знания состоит в корректировке дисбаланса способов получения знания, в частности, анализа и синтеза. Достаточно показать, говорит Элиас, что все три вида деятельности или «продукты» усилий людей относятся к символам: знание — к функции символов как средств ориентации; язык — к их функции коммуникации; и мышление — к их функции как средств объяснения.

Признание того факта, что при коммуникации и ориентации человек полностью зависим от символов коммуникации, может вызвать чувство страха. Можно ли выйти из «символического мира» и увидеть реальные вещи, существующие независимо от символов — Элиас рассуждает следующим образом: совместная жизнь людей, даже если для этого приходится чем-то жертвовать, приносит людям большие преимущества благодаря их языку, комплексу социально-стандартизированных символов, так как люди последующих поколений могут использовать результаты предыдущих. Сегодня существуют две точки зрения: первая гласит о том, что жить в обществе — значит жить, противясь человеческой природе; вторая — что от природы люди созданы для совместной жизни, включая межличностные и внутригрупповые конфликты и их разрешение. Элиас приходит к очень важному выводу — полярные аспекты соединены в человечестве: человеческая природа и человеческое общество, язык и знание.

Элиас выявляет два таких различия в структуре коммуникации. Первое — это *дифференциация* средств коммуникации, звуковых символов, что позволило людям, относящимся к одной группе, быть интегрированными и способными координировать свои действия. Второе — *точность* передаваемой информации и способность (с помощью исторических символов) дистанцировать сообщение как от субъекта, так и от объекта, чего нет у животных. Символы — не картины и не зеркала этого мира, не окна и не занавесы. Они наделены *репрезентативной функцией*, а не имитационной или изобразительной. Они репрезентируют объекты коммуникации — ведь сама человеческая природа и социальная традиция, которая сделала возможными звуковые паттерны, представляющие специфические объекты коммуникации, подготавливает ребенка к освоению языка (той общности, в которой он растет).

Для понимания символической функции и такого понятия, как «значение» необходимо осознание того, что язык носит социальный характер и является *средством коммуникации для множества людей*. Отправной точкой подобных объяснений служит восприятие не человека как изолированного индивида, а

*Под «survival function» у Элиаса понимается устранение «информационного голода», т.е. плавный поток информации (рациональных сведений), в котором всегда есть пробелы, заполняемые иррациональными представлениями.

восприятие социальных образований, *фигураций*, состоящих из множества людей, куда включен и он сам.

Все, что члены языковой общности могут прочувствовать, и что они могут обсуждать, находится в их языке. Весь мир представлен таким образом, как он прочувствован ими. Сплетение символов так же, как время или пространство, является всеобъемлющим. Его можно рассматривать как другое измерение. В сравнении с традиционными теориями знания XVII—XX вв., символическая теория знания служит ключом, который переводит фантазии в реально-конгруэнтное знание. Выражение «конгруэнтность реальности» необходимо для объяснения одной из слабых черт традиционного знания, словно находящегося в вакууме. Как правило, эти теории специализируют области знания. Они понимают познавательную функцию, которая означает ориентацию, так словно она существует независимо от всех других функций, особенно от коммуникации.

Онтологический статус знания, что знание — это прежде всего звуковые паттерны, которые сохраняются в памяти людей и социально установленный смысл которых может изменяться от фантазии до реально-конгруэнтного знания. Главная проблема знания и познания — отношения между знанием и его объектами. Символическая теория знания поднимает вопрос о том, что такое знание, она возвращает теории знания ее *лингвистический статус*: знание служит людям в качестве основы коммуникации, мышления, ориентации; знание содержит звуковые паттерны, которые социально стандартизованы как символы реальных событий. Не употребляется понятие «истина», а вводится понятие «реальной конгруэнтности», которое обозначает отношения между символом и тем, что он символизирует. Люди могут обладать знанием событий в двух взаимосвязанных способах: как результата их личного, индивидуального опыта, которое включает их собственные впечатления, и как возможных объектов коммуникации, через звуковые символы, которые их представляют. Все три уровня языка: природный, культурный и индивидуальный формируют его символы. Люди живут не в четырех, а в пяти измерениях. Они располагают объектами коммуникации в соответствии не только с их позицией в пространстве и времени, но и с позицией в собственном мире говорящего, который символически характеризуется звуковыми паттернами, представленными в языке.

Элиас стремился показать двойственность мира, а именно: как мир независимый, но включающий людей, и как мир, опосредованный сетью созданных человеком символических представлений, которые могут в большей или меньшей степени отвечать принципу реальной конгруэнтности. Другая особенность символов в том, что они подразумевают отношения, более того, сеть взаимоотношений, в состав которых включены события опыта только в том случае, если они представлены в терминах языка. Любой язык наследуется, являясь продуктом неисчислимой последовательности поколений. Несомненно, эту функцию выполняют словари. Часто социальные фигурации, такие, как придворное общество или городское сообщество, выполняют моделирующе-установочную функцию словоупотребления.

Модель соотношения трех основных элементов дает основание всем теориям знания — тем, кто знает (субъекты), тем, что они знают (знание) и тем, что

познано (объекта). Как можно заметить, данная схема отличается от традиционных теорий знания тем, что вводится третий элемент, и рассматриваются их соотношения. Но природа самого знания остается нераскрытой. Обычно оно представляется как принадлежность человеческого разума, отличное от мира вокруг: идея, концепция, мысль; нечто, созданное кем-то; суждение или утверждение.

Неизвестно как, когда и почему человек стал использовать язык как средство коммуникации, но нам известен результат — весь спектр знания от общепредставительного до реально-конгруэнтного. Рассматривая две эти формы знания вне эволюционного контекста, можно прийти к заключению, что они полярно противоположны. Однако в контексте эволюции видно, что это — проявления знания на одной эволюционной стадии развития. На более ранних стадиях охват реально-конгруэнтного знания был неизбежно более ограничен, чем сейчас. Фантазийное знание на том этапе имело высокую ценность для выживания. Мифы заполняли недостатки реального знания, это защищало людей от ужаса осознания того, как много они не знали.

Доминирование реалистического знания не устранило важную роль фантазии в человеческом поведении. В процессе развития человека сменился и баланс соотношения фантазийного и реально-конгруэнтного знания: от поколения к поколению он может отклоняться в обе стороны, но в случае знания о неживой природе — больше в сторону реально-конгруэнтного знания. Оба вида знания могут развиваться в социально конкретное, — в науку, с одной стороны, и в искусство, религию и другие культурные достижения, с другой.

Литература

1. Körte H. Norbert Elias (1897–1990) // *Klassiker der Soziologie* / Hrsg. D. Kaessler. Bd. 1. München: Verlag C.H. Beck, 1999.
2. *Der unendliche Prozess der Zivilisation: Zur Kulturologie der Moderne nach Norbert Elias* / Hrsg. H. Kuzmics, I. Mörth. Frankfurt am Main; N.Y.: Campus Verlag, 1991.
3. Elias N. Vom Sehen in der Natur // *Blau-Weiß-Blätter*. 1921. Bd. II. H. 8–10 (Breslauer Hefte).
4. Elias N. Idee und Individuum. Ein Beitrag zur Philosophie der Geschichte. Auszug aus einer Schrift zur Erlangung der Doktorwürde der Hohen Philosophischen Fakultät der Schles, Friedrich-Wilhelms-Universität zu Breslau. Promotion: 30, Januar 1924. Breslau, 1924.
5. Elias N. Beitrag zur Diskussion über «Die Konkurrenz» // *Verhandlungen des 6. Deutschen Soziologentages vom 17.-19.9.1928 in Zürich*. Tübingen, 1929.
6. Elias N., Scotson J.L. *Etablierte und Außenseiter* (1965) / Übersetz. von M. Schröter. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.
7. Elias N. *Was ist Soziologie*. 8. Aufl. Weinheim; München: Juventa-Verlag, 1996.
8. Elias N. Zur Grundlegung einer Theorie sozialer Prozesse // *Zeitschrift für Soziologie*, 1977. № 6.
9. Elias N. Adorno-Rede: Respekt und Kritik // Elias N., Lepenies W. Zwei Reden anlässlich der Verleihung des Theodor W. Adorno-Preises. Frankfurt am M., 1977.
10. Elias N. Über die Einsamkeit der Sterbenden in unseren Tagen. Frankfurt am Main, 1982.
11. Elias N. Engagement und Distanzierung: Arbeiten zur Wissenssoziologie II / Hrsg. und übers. von M. Schröter. Frankfurt am Main, 1983 (1990).
12. Elias N. Sport im Zivilisationsprozeß: Studien zur Figurationssoziologie (Gemeinsam mit Eric Dunning) / Hrsg. von Wilhelm Hopf. Münster, 1983.
13. Elias N. Über den Rückzug der Soziologen auf die Gegenwart // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1983. Bd. 35.

14. Elias N. Über die Zeit: Arbeiten zur Wissenssoziologie II / Hrsg. von M. Schröter. Frankfurt am Main, 1984.
15. Elias N. Humana conditio: Betrachtungen zur Entwicklung der Menschheit am 40. Jahrestag eines Kriegsendes (8. Mai 1945). Frankfurt am Main, 1985.
16. Elias N. Wissenschaft oder Wissenschaften – Beitrag zu einer Diskussion mit wirklichkeitsblinden Philosophen // Zeitschrift für Soziologie. 1985. № 14.
17. Elias N. Wandlungen der Machtbalance zwischen den Geschlechtern: Eine prozeßsoziologische Untersuchung am Beispiel des antiken Römerstaats // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1986. № 38.
18. Elias N. Die Gesellschaft der Individuen / Hrsg. von M. Schröter, Frankfurt am Main, 1987.
19. Elias N. Los der Menschen, Gedichte, Nachdichtungen. Frankfurt am Main, 1987.
20. Elias N. Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Mit einer Einleitung: Soziologie und Geschichtswissenschaft. Frankfurt am Main, 1990.
21. Elias N. Über sich selbst. Frankfurt am Main, 1990.
22. Elias N. Mozart: zur Soziologie eines Genies / Hrsg. von M. Schröter. Frankfurt am Main, 1991.
23. Elias N. The Symbol Theory. London: SAGE Publications, 1992.
24. Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. 2 Bde. Frankfurt am Main, 1992.
25. Bauernfeind R. Sozio-Logik: Der kulturelle Code als Bedeutungssystem. Frankfurt am Main: Lang, 1995.

Дополнительная литература

- Bogner A. Zivilisation und Rationalisierung: Die Zivilisationstheorien Max Webers, Norbert Elias' und der Frankfurter Schule im Vergleich. Opladen, 1989.
- Burkitt J. Overcoming Metaphysics: Elias and Foucault on Power and Freedom, in: Philosophy of the Social Sciences. 1993. Vol. 23. № 1. March.
- Ebers N. «Individualisierung»: Georg Simmel — Norbert Elias — Ulrich Beck. Würzburg, Königshausen und Neumann, 1995.
- Ernst S. Machtbeziehungen zwischen den Geschlechtern: Wandlungen der Ehe im «Prozeß der Zivilisationsgeschichte». Opladen, 1996.
- Esser H. Figurationssoziologie und methodologischer Individualismus: zur Methodologie des Ansatzes von Norbert Elias // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1984. Bd. XXXVI.
- Gesellschaftliche Prozesse und individuelle Praxis: Bochumer Vorlesungen zur Norbert Elias Zivilisationstheorie / Hrsg. H. Körte. Frankfurt am Main, 1990.
- Goudsblom J. Feuer und Zivilisation / Übers. von H. Hammer und E. Körte, Frankfurt am Main, 1995.
- Klein G. FrauenKörperTanz: eine Zivilisationsgeschichte des Tanzes, Weinheim; Berlin, 1992.
- Körte H. Über Norbert Elias: Das Werden eines Menschenwissenschaftlers. Opladen, 1997.
- Kuzmics H. Der Preis der Zivilisation: Die Zwänge der Moderne im theoretischen Vergleich. Frankfurt am Main; N.Y., 1989.
- Menschen in Figuren: ein Lesebuch zur Einführung in die Prozeß- und Figurationssoziologie / Hrsg. H.-P. Bartels. Opladen, 1995.
- Norbert Elias und die Menschenwissenschaften, Studien zur Entstehung und Wirkungsgeschichte seines Werkes / Hrsg. K.-S. Rehberg Frankfurt am Main, 1996.
- Transformationen des Wir-Gefühls: Studien zum nationalen Habitus / Hrsg. R. Blomert, H. Kuzmics, A. Treibel. Frankfurt am Main, 1993.
- Waldhoff H.-P. Fremde und Zivilisierung: wissenssoziologische Studien über das Verarbeiten von Gefühlen der Fremdheit: Probleme der modernen Peripherie-Zentrum-Migration am türkisch-deutschen Beispiel, Frankfurt am Main, 1995.
- Zivilisierung des weiblichen Ich / Hrsg. G. Klein, K. Liebsch. Frankfurt am Main, 1997.